

СКАЗАНИЕ О ЛЕДЯНОЙ ДЕВЕ
И МЕДВЕЖЬЕМ СЕРДЦЕ

БЕРСЕРК

«Кто шкуру зверя на плечи берёт,
тот зверю в долг себя отдаёт.
А кто под лёд с чужой бедой прыгнёт —
тот суженого себе на дне речном найдёт».

— из бабкиных наговоров

АЛЕКСИЯ ДЖИ

Алексия Джи

БЕРСЕРК Сказание о ледяной деве и медвежьем сердце

<https://litres.ru/74396253>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы спасти родное поселение, сирота Ждана заманивает чудовищного медведя на тонкий лёд — и вместе с ним проваливается в ледяную реку. Но под звериной шкурой скрывается одинокий берсерк, обречённый бороться с собственной яростью. Теперь им предстоит пройти через зимние леса, кровную месть и древнее проклятие, чтобы понять: их встреча была случайностью или волей самой судьбы.

Содержание

Глава 1. Лёд, что не трескался	4
Глава 2. Прыжок	9
Глава 3. Дыхание на двоих	12
Глава 4. Медвежья шкура	16
Глава 5. Изба на подпорках	20
Глава 6. Мешок у печи	23
Глава 7. Машка	27
Глава 8. Седмица покоя	30
Глава 9. Три тени с дороги	33
Глава 10. Стрела	36
Глава 11. Морда в крови	38
Глава 12. Другими глазами	40
Глава 13. Пожар в ночи	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексия Джи

БЕРСЕРК Сказание

о ледяной деве и медвежьем сердце

*«Кто шкуру зверя на плечи берёт,
тот зверю в долг себя отдаёт. А
кто под лёд с чужой бедой прыгнёт
— тот суженого себе на дне речном
найдёт».*

*из бабкиных наговоров, что сказывают у печи в
зимние вечера*

Глава 1. Лёд, что не трескался

Лёд гудел под ногами, будто где-то в глубине его была в бубен сама Мать-Стужа.

Ждана бежала.

Босые пятки — нет, не босые, в поршнях из телячьей кожи, но толку от той кожи было всё равно что от бересты, — колотили по насту, и с каждым ударом ей казалось, что вот сейчас, вот здесь треснет, разойдётся синим зигзагом, глотнёт её в чёрную стылую воду. А позади, тяжело, гулко, роняя из пасти клочья пара, катился гризли.

Не медведь — гора шерсти и злобы. Такого зверя старики на её памяти не видывали и в самых страшных побасенках. Комом бурой шерсти он вздымался над снегами, и каждый его прыжок отдавался в подошвы Жданы, как удар молота о наковальню.

«Если не я — то никто», — повторяла она себе в лад дыханию, вбивая слово в слово, как гвоздь в мёрзлое дерево. Если не я — то никто. Если не я...

Она не была самой сильной в Ольшанке. Не была самой мудрой и уж тем более не была той, по ком выли бы вслед, коли она не вернётся к очагу. Но она была самой лёгкой. Самой быстрой. Той, чьи ноги реку саму обгоняли по весне, когда девки бежали к проруби за водой наперегонки — забавы ради, не по нужде.

Вот и вышло, что нуждой стала забава.

* * *

Она ещё помнила, как оно всё начиналось. Как позапрошлой осенью, когда рябина ещё не облетела и жёлуди не все ещё в подпол снесли, поставили они новый острог у реки — там, где берег высокий, где ольха стоит стеной, отгораживая от степных ветров. Отец Жданы — упокой Перун его душу — говаривал тогда, что место доброе, что зверь тут пуганый, лес богатый, а вода рядом — чего ещё для жизни надобно.

Накаркал.

Не минуло и седмицы после первых заморозков, как повадился к ним медведь. Не малый, не пугливый шатун, что

по осени последнюю ягоду доедает перед берлогой, — а исполинский, будто из старых времён выползший, когда, скажут, звери с людьми силой мерялись да редко людям та мера впрок шла.

Он ломал изгороди, будто плетень из соломы свит. Разорил амбар, что на отшибе стоял, задрал двух коров и пастушьего пса, и, что страшнее всего, — вернулся через седмицу снова. И ещё через седмицу. Точно рассчитывал время не хуже деда Сивера, что по звёздам да по инею сроки мерил.

Мужи острожские выходили на него с рогатинами — да что рогатина супротив такой туши. Двоих покалечил, одного, царствие ему небесное, замертво оставил на снегу, и с той поры на медведя ходить охотников не находилось.

Тогда старейшина Ярополк, муж степенный, но, по правде молвить, к делам чужим равнодушный, будто сама судьба ему шептала — не трать сил, само рассосётся, — созвал круг у костра. Судили-рядили, чем зверя такого взять, коли силой не выходит.

И надумали хитростью.

— Лёд на реке крепнет, — сказал тогда охотник Обух, — а зверь тот через реку каждый раз к нам жалует, с того берега. Кабы заманить его на лёд, там, где заранее прорубь широкую вырубим да тонким снежком присыплем — ухнет он под воду, и весь сказ.

План был ладный, да с одной загвоздкой: заманить медведя — дело для самого быстрого да самого лёгкого во всём

острожке. А самой лёгкой да быстрой оказалась не воин, не охотник — а девка-сирота, что с прошлой зимы хлеб доедала не за свои труды, а из милости общинной.

Ждана.

Ей не сказали прямо — иди, мол, на смерть. Сказали иначе, помягче: ты, Ждана, беги — ты ведь у нас как ветер, тебя косолапый в жизни не догонит, а мы уж своё дело сладим, прорубь пробьём загодя, ты только на неё выведи.

Она согласилась. Не потому что храбрости было в достатке, а потому что деваться было некуда: сирота без роду без племени, без отца, без матери, без мужа, без чад — кому ж бежать, как не ей? Те, у кого дома дети малые да мужья хворые, — тем бежать не с руки. А у неё — только она сама, да долг перед теми, кто зимой прошлой хлеба ей отсыпал не по обязанности, а по доброте.

* * *

...Морок прошлого отпустил её так же резко, как накатил, — и снова под пятками захрустел наст, снова взвыл за спиной гризли, и лёд, будь он неладен, всё не трескался.

Дед Обух божился, что прорубь вырубят широкую, аккурат на середине плёса, у старой коряги. Ждана глазами уже искала ту корягу — вон она, торчит закорючиной из сугроба, ещё немного, ещё сотня саженей...

«Господи, — взмолилась она мысленно, хотя и не была уверена, к какому богу молиться — к Перуну ли, к Велесу, что зверьё пасёт, али к безымянным духам реки, — почему

лёд не трескается?»

Дыхание рвалось в груди, будто птица в силках. Позади дышал зверь — не так уж часто, размеренно, страшно размеренно, точно и не бежал вовсе, а лениво нагонял добычу, зная наперёд, что деваться ей некуда.

Коряга была уже в десяти шагах. В пяти.

Под поршнями — всё тот же крепкий, неподатливый, будто заколдованный лёд.

И тут она поняла: никто прорубь не прорубил. Либо струсили, либо не успели, либо — страшнее всего — просто понадеялись, что она как-нибудь да выкрутится сама, а нет — так невелика потеря.

Гризли взревел за спиной, и рёв тот прокатился над рекой, будто небо треснуло пополам.

Глава 2. Прыжок

Коряга осталась позади — а лёд под ней всё так же держал, крепкий, будто кто-то заговорил его нарочно против неё.

«Я — надежда острожка, — стучало у Жданы в висках в лад бегу. — Медведь не даёт им жить. Они и так длинный путь пережили, от старых пепелищ до этой реки шли — и что ж, всё прахом из-за одного зверя?»

Мысли неслись быстрее ног, обгоняли дыхание.

«А у меня самой — никого. Ни отца, ни матери. Ни мужа, что горевал бы. Ни дитя, что плакало бы у порога. Сиротка без семьи, без будущего — а значит, и терять мне, почитай, нечего, кроме себя самой».

Мысль эта не была ни горькой, ни жалостливой — она пришла спокойно, как приходит к жнецу мысль, что пора серп точить. Просто — факт. Просто — расклад, в котором она оказалась последней костью на кону.

И тогда Ждана сделала то, чего от неё никто не ждал, да и сама она мгновением раньше не ждала от себя.

Она развернулась.

Не побежала прочь — побежала навстречу.

Гризли, не ждавший такого поворота (звери привыкли, что добыча бежит, а не кидается), на миг сбавил ход, будто споткнулся о собственное изумление. Того мига Ждане и достало.

Она вложила в этот последний рывок всё, что было, — все седмицы недоеданий, все ночи у чужого очага, всю тоску по отцовским рукам, что больше не обнимут, — и прыгнула. Не под зверя, а вбок, сбоку, туда, где под густой шерстью загривка пряталась шея.

Руки сомкнулись мёртвой хваткой. Ноги обвили тушу, будто верёвка — сноп. Зверь взревел, вздыбился, замотал башкой, пытаясь скинуть с себя эту невесть откуда взявшуюся упрямую тяжесть, — а она держалась, вжавшись щекой в свалывшийся мех, чувствуя, как под ладонями бешено колотится чужое, звериное сердце.

«Держись, — велела она себе. — Держись, покуда лёд не возьмёт своё».

И лёд взял.

То ли оттого, что двойной вес — зверя да человека — пришёлся разом на одну точку, то ли оттого, что где-то там, под коркой, всё же нашлась тонкая жила, — но раздался треск, страшный, оглушительный, будто сама река застонала. Ждана не разжала рук. Медведь заревел ещё раз, коротко, изумлённо, и они оба, спутанные одним клубком — шерсть, руки, лёд, — повалились набок.

Мир качнулся, перевернулся, ухнул вниз.

Последнее, что она видела над собой, прежде чем чёрная вода сомкнулась над головой, — это неровный синий узор трещин, разбегающийся по белому небу льда, как узор мороза на слюдяном оконце.

А потом всё стало холодно, тихо и очень, очень тёмно.

Глава 3. Дыхание на двоих

Холод ударил не снаружи — сразу изнутри, будто кто-то всадил ей в грудь ледяной клин и провернул его.

Лёгкие свело. Воздух, что оставался в груди, застыл коротким, злым спазмом, и на один короткий миг Ждане показалось — всё, конец, вот она, смерть, какой её и представляла: чёрная, беззвучная, холодная.

Но сознание не ушло. Странно, дико, наперекор всему — не ушло.

Она забилась, замолотила руками, ища верх, но верха не было — было только чёрное со всех сторон, и течение, коварное подлёдное течение, что подхватило её, будто пушинку, и понесло прочь от той полыньи, куда они с медведем провалились.

Ждана ударила кулаком вверх — и вместо неба нащупала лёд. Твёрдый, гладкий, неподатливый, будто крыша над погостом. Ударила ещё раз, ещё — костяшки взвыли болью, но лёд не поддавался. Локтем попробовала — без толку. Не пробить его так, не пробить, не там сила нужна.

А воздуха уже почти не осталось. Грудь горела не от холода — от нехватки, от того особого, звериного ужаса, что накатывает, когда тело кричит: дыши, дыши немедленно, — а дышать нечем.

И тогда, сквозь муть и сумрак подводный, она увидела его.

Медведь — то есть, теперь уже не медведь, а мужчина, огромный, нагой, — покачивался в толще воды в нескольких саженях от неё, без движения, без чувств. Течение трепало его тёмные волосы, как треплет ветер стог сена, и он не шевелился вовсе.

«Утоп, — мелькнуло у неё, — или тонет».

Первая мысль была — пускай. Он же зверь, он же чуть не задрал её, он же гнал её через всю реку под самую смерть. Но следом, обгоняя первую, пришла вторая мысль, та самая, что жила в ней глубже страха и глубже усталости: если он погибнет здесь, подо льдом, — она останется одна в чужом лесу, за много вёрст от острожка, без единой души рядом. А ежели он выживет...

Додумать она не успела. Тело само понесло её к нему — руки заработали, распарывая воду, ноги толкали вперёд из последних сил, что ещё оставались.

Она подплыла. Схватила его за плечи — тяжёлые, каменные, — тряхнула. Раз, другой. Он не очнулся. Тряхнула сильнее, вложив в рывок всё, что было, — и снова ничего. Тогда, в отчаянии, замолотила по его груди кулаками, будто он был не человек, а закаятая дверь, что нипочём не желает открываться.

Глаза его оставались закрыты.

А в груди у неё уже почти не осталось ничего — ни воздуха, ни сил, ни надежды. Последний вдох, что она унесла с собой под лёд, теперь тлел где-то на самом доньшке лёгких,

крохотным, гаснущим угольком.

И она отдала этот уголёк ему.

Притянула его лицо к своему — руки уже плохо слушались, пальцы одеревенели от холода, — и прижалась губами к его губам. Не поцелуй это был вовсе, по правде говоря, — а последний вдох, что она вложила в чужой рот, как вкладывают последнюю искру в остывающий очаг, зная, что своей больше не разжечь.

И в тот самый миг, когда её глаза начали закрываться сами собой, а чёрная вода стала растворять по краям весь белый свет, — он открыл глаза.

Тёмно-карие, чужие, звериные и человечесьи разом.

Он увидел, как она обмякает у него в руках, как веки её опускаются, как пальцы, что за миг до того колотили его в грудь, разжимаются безвольно, — и что-то в нём, глубинное, древнее, отозвалось раньше разума.

Он обхватил её одной рукой, прижал к себе, а другой оттолкнулся от дна с такой силой, что вода вокруг них взвихрилась бурунами. Они рванулись вверх — и в тот же миг его кулак, тяжёлый, будто кованый молот, врезался в лёд.

Раз.

Лёд содрогнулся.

Два.

Пошла трещина.

Три — и небо, серое, зимнее, но живое, ворвалось в полыню вместе с глотком морозного воздуха, и последнее, что

успела заметить Ждана прежде, чем сознание оставило её окончательно, — это как он одним ударом раскалывает лёд над её головой, будто скорлупу.

А потом наступила темнота — но уже не та, подводная, смертная. Другая. Спокойная.

Глава 4. Медвежья шкура

Она очнулась от жара — не своего, чужого, что шёл от костерка, потрескивавшего в двух шагах.

Ждана сидела, завёрнутая в шкуру — бурую, густую, ещё хранившую запах речной воды и чего-то дикого, звериного, — и не сразу поняла, где находится и как здесь оказалась. Голова была тяжёлой, будто набитой мокрым песком, а тело — совсем чужим, ватным.

Перед ней, у самого огня, стоял он.

Высокий — она и сидя чувствовала, насколько высокий, — широкий в плечах так, что казалось, будто он один заслоняет собой весь лес позади. Голый по пояс, в одних портах, наспех подвязанных у щиколоток, он стоял, глядя в костёр, и от мокрых тёмных волос его, что волнами падали до плеч, поднимался пар — не то от близости огня, не то от какого-то жара, что сидел в нём самом, изнутри.

Ждана насупилась. Не то чтобы страх её взял — страх, по правде, уже весь вышел, там, подо льдом, — но было в ней сейчас что-то колючее, оскорблённое: и от того, что чуть не утопла, и от того, что очнулась в шкуре голая, обёрнутая чужими руками, и от того просто, что весь мир за последний день перевернулся так, что она уже не понимала, где право, где лево.

— Благодарствую, что спас, — выдавила она наконец, не

глядя на него, глядя в огонь.

— Кабы не ты — и спасать бы не пришлось, — отозвался он, не оборачиваясь. Голос у него был низкий, с хрипотцой, будто из-под земли шёл.

Она вскинула бровь.

— Я тебя вообще и пальцем не трогала.

— Бред, — он обернулся наконец, и в глазах его, тёмно-карих, мелькнуло что-то похожее на усмешку. — А под лёд мы с тобой вместе ушли, аккуратно обнявшись, будто на посиделках.

— Так это... — она осеклась, вспомнив вдруг весь ужас погони, весь тот рёв, что гнался за ней по льду. — Так я с медведем боролась?

— Это был я.

— В смысле — ты?

— В том самом смысле. Я — берсерк.

Ждана моргнула. Слово это она слыхала — не то в бабьих байках, не то от заезжих торговых людей, что порой останавливались у острожка обменять соль на меха, — слыхала, но никогда не думала, что оно окажется не сказкой, а вот этим самым мужиком, что стоит перед ней у костра.

— Это ж... это тварь из старых сказаний. Мифическая, — недоверчиво протянула она.

— Ничуть не мифическая, — он присел напротив, подкинул в огонь ветку, и пламя взметнулось, осветив его лицо снизу — резкое, обветренное, со щетиной, что не доросла

ещё до бороды. — Вот эта самая шкура, в которую ты закутана, — она тебя сейчас греет, а по правде — это мой облик. Дух медвежий, того самого зверя, которого я одолел в честном бою много зим назад. Он меня своей силой наградил — и с той поры я в его шкуре хожу, покуда сила во мне бурлит.

Ждана невольно опустила взгляд на шкуру, в которую была завёрнута. И правда — тот же мех, тот же бурый окрас, та же плотная, сваливавшаяся шерсть, что была у зверя, гнавшегося за ней по льду.

— Стало быть, — медленно проговорила она, и в голосе прорезалась злость, что копилась весь этот безумный день, — если б ты не повадился в наш острожек ходить, коров не крушил да людей не пугал, — я б тебя и не топила вовсе. Сидела бы сейчас у своего очага, а не тут, в чужой шкуре, в чужом лесу.

Он тоже нахмурился, и в глазах его мелькнуло что-то тяжёлое, давнее.

— Вы первые на мою землю пришли, — сказал он глухо. — Не на свою территорию острог поставили. А после ещё и удивляетесь, что хозяин местный недоволен.

Она открыла было рот для ответа — да так и замолкла. Крыть было нечем: место и впрямь выбирали второпях, уходя от прежних земель, что выжгли степняки, и никто тогда не думал спрашивать позволения у леса.

Помолчали оба. Костёр потрескивал, роняя искры в темнеющее небо — вечерело быстро, по-зимнему, будто кто-то

нарочно спешил задёрнуть за днём полог.

— Мне нужно вернуться в острожек, — сказала наконец Ждана. — Меня, поди, уже потеряли.

Он хмыкнул, и хмык этот вышел невесёлым.

— Сутки пути отсюда, — только и обронил он. — направление по той звезде сыщешь.

— Я одна дороги не сыщу. Проводи меня.

— С какой такой радости?

— Ну... — она замялась, впервые за весь разговор растеряв всю свою колючую браваду. — Я мест этих не ведаю совсем. Пропаду ведь.

Он долго глядел на неё — так, будто взвешивал что-то в уме, прикидывал, стоит ли овчинка выделки. Потом вздохнул, тяжело, по-медвежьи, и поднялся на ноги во весь свой немалый рост.

— Сейчас в путь не тронемся, — сказал он. — Тут неподалёку изба у меня стоит. Заночуем в ней, а поутру уже двинемся, коли не околеешь за ночь от простуды — вон как трясёшься вся.

Ждана хотела было возразить, что вовсе не трясётся, — но в тот же миг поняла, что и вправду зуб на зуб не попадает, а пальцы на руках, что придерживали шкуру, побелели от холода.

Спорить не стала. Только кивнула.

Глава 5. Изба на подпорках

Изба и впрямь оказалась близко — не соврал.

Шли недолго, сквозь редколесье, где снег лежал нетронутым пухом, и Ждана, кутаясь в медвежью шкуру поверх остатков своей мокрой рубахи, старалась не отставать, хотя ноги после купания в ледяной воде плохо её слушались. Он шёл впереди, неспешно, будто нарочно замедляя шаг, чтобы она поспевала, — и то и дело оглядывался, проверяя, не отстала ли, не свалилась ли где в сугроб.

Сама изба показалась меж стволов внезапно, будто выросла из-под земли, — небольшая, приземистая, но крепкая с виду, поставленная на толстые деревянные подпорки, что вздымали её над землёй на локоть-полтора, — верно, чтобы вода по весне не подтопляла да зверьё мелкое под пол не лезло. Крылечко у входа было маленькое, но справное, ступени не шатались.

— Вот и хоромы мои, — сказал он, толкнув дверь плечом.

Внутри пахло дымом, сухой травой и чем-то смолистым, деревянным. Обстановка была самая скудная: стол сколоченный, лавка вдоль стены, печь — небольшая, глинобитная, — да широкая койка в углу, застеленная шкурами. Ни занавесок, ни утвари лишней, ни украс — жилище мужа, что живёт один и гостей не ждёт.

— Чувствуй себя как дома, — бросил он, входя.

Ждана обвела взглядом голые стены, промёрзший угол у двери, где, видать, давно не топили, и хмыкнула невесело.

— Вот уж вряд ли.

Он не ответил — то ли не услышал, то ли ответить не счёл нужным. Прошёл к койке, завалился на неё всем своим немалым весом, так что доски жалобно скрипнули, и не успела Ждана и слова сказать, как он уже захрапел — глубоко, ровно, будто вовсе не за минуту до того вёл беседу с недавней своей пленницей-спасительницей.

Она осталась стоять посреди избы одна, кутаясь в шкуру, чувствуя, как холод избы медленно, но верно забирается под мех, под кожу, до самых костей.

«Вот ведь животное, — подумала она, глядя на его спящую фигуру с раздражением, в котором, впрочем, было и что-то похожее на невольное восхищение — тем, как спокойно, беззаботно он мог заснуть после всего, что случилось. — Дом холодный, гостья продрогшая, а ему хоть бы хны».

Она ещё постояла немного, привыкая к сумраку избы, разглядывая балки над головой, черноту в печном зеве, узкое оконце, затянутое бычьим пузырём, сквозь которое едва пробивался последний свет уходящего дня.

«Вот не заболеть бы», — подумалось ей с тревогой, и она поплотнее закуталась в шкуру, чувствуя, как знобит всё тело — не то от холода, не то от пережитого, не то от того и другого разом.

Он спал. А она стояла — одна, в чужой избе, в чужой шку-

ре, за тридевять земель от родного острожка, — и не знала, плакать ей или смеяться над тем, как причудливо повернулась вдруг вся её жизнь за один-единственный день.

Глава 6. Мешок у печи

Спит и хоть бы хны ему, думала Ждана, обходя избу шаг за шагом, ощупывая взглядом каждый угол, каждую полку, каждую щель в бревенчатой стене. А ей стоять сложа руки да ждать, покуда этот медведь-переросток выпится, — недосуг. Печь затопила первым делом — благо дрова нашлись у самого зева, наколотые загодя, будто кто-то знал, что понадобятся.

Пока огонь разгорался, обошла избу, разглядывая нехитрое хозяйство. На улице, у самой стены, отыскался дровяник — невеликий, но справный, а в нём, к её удивлению, — лук да связка стрел, аккуратно уложенных, будто их только вчера смазали жиром. Ждана взяла лук в руки, натянула тетиву, примерилась.

«А что, стреляю я неплохо», — подумала она с некоторым самодовольством. Отец её, покуда жив был, гонял её на охоту наравне с парнями, говаривал: девка не девка, а глаз у тебя вернее иного мужика. Она притащила лук со стрелами в избу, прислонила у порога.

«Лишней предосторожности не бывает», — рассудила она, покосившись на спящую громаду на койке. Кто его знает, этого берсерка, — может, и опасен он не только в медвежьей шкуре.

Разморило её быстро — усталость взяла своё. Легла на

лавку, кое-как выдернув из-под спящего медведя (вернее, уже мужчины, ибо шкуру он так и не снял, разве что закинул одним краем на себя) край накидки, чтобы прикрыться самой. Он завозился во сне, буркнул что-то невнятное, но не проснулся.

* * *

Утро выдалось ранним и злым.

Печь, протопленная с вечера, прогорела быстро и так же быстро остудила избу — видать, где-то в стенах прятались щели, через которые тепло утекало наружу, будто вода сквозь дырявый жбан. Ждана поёжилась, села на лавке, растирая замёрзшие руки.

«Ежели ещё раз тут ночевать доведётся, — подумала она, окинув взглядом всё ещё храпящую тушу на койке, — надо будет отобрать у этого медведя шкуру. Нечего одному нежиться, покуда другие зубами стучат».

— Доброе утро, — сказала она вслух, скорее из вежества, чем в надежде на ответ.

Ответом был только храп.

— Эй. — Она подошла ближе, тронула его за плечо. — Сколько ж можно спать?

Молчит. Сопит. Молчит.

«Как ему не холодно вовсе», — подумала она с досадой и, наклонившись, потрогала его лоб — так, из чистого любопытства, хотела уж было растолкать посильнее.

Лоб оказался горячим. Не просто тёплым — жарким, буд-

то печная заслонка.

«Неужто занедужил», — мелькнула тревожная мысль, и вся её досада разом улетучилась, сменившись заботой — той самой, что въелась в неё с малых лет, с той поры, как выхаживала хворых соседей да немощную бабуку через дом, куда та ещё жива была.

Ждана сходила к колодцу, что нашёлся неподалёку от избы, — вода в нём была чистая, студёная, — набрала полное ведро. Пока грела воду в печи, порылась по полкам в поисках чего-нибудь пригодного и обнаружила пучки сушёных трав, развешанные под потолком: зверобой, ромашка, ещё какие-то, ей незнакомые, но пахнущие правильно, лекарственно.

«Интересно, кто их сюда развесил, — подумала она, готовя из трав компресс. — Неужто сам этот медведь? Не похож он на человека, что травы собирает».

Компресс приложила ему ко лбу, обвязала чистой тряпичей, что нашла в сундучке у стены. Он не проснулся — только вздохнул тяжело сквозь сон, и лицо его на миг разгладилось, будто и во сне почуял заботу.

А тут и живот у самой Жданы заурчал требовательно — вспомнила она вдруг, что не ела уже больше суток. Перед ледовым забегом кусок в горло не лез — предчувствие какое-то мучило, — а теперь, когда всё позади осталось, голод накинудся с удвоенной силой, будто мстя за долгое воздержание.

Надо было чем-то поживиться. Ждана огляделась и приметила у самой печи мешок — плотный, холщовый, из тех, что обычно набивают крупой на зиму. Развязала узел, заглянула внутрь в поисках пшена или гречи, чтобы сварить хоть какую похлёбку...

А там...

Глава 7. Машка

...мышь.

Серая, полёвка, с явными признаками того, что зимой не голодала, — этакая кругленькая, самодовольная тушка, восседающая посреди мешка, будто на троне, и с укоризной взирающая на незваную гостью, посмевавшую сунуть нос в её владения.

Ждана вскрикнула — коротко, испуганно — и тут же зажала себе рот ладонью, покосившись на спящего: не разбудить бы. Ему ещё спать и спать, жар не спадает, нечего тревожить понапрасну.

А мышь смотрела презрительно, дёрнула усом и вдруг процокала — человеческим голосом, ясным, будто у бабы на торжище:

— Чё разоралась?

Ждана отшатнулась, едва не села мимо лавки.

«Час от часу не легче, — пронеслось у неё в голове. — Тут тебе и человек, что медведем оборачивается, и мышь, что говорит по-людски. Совсем нечисть какая-то, а не изба».

— Ты... ты что разоралась, — повторила мышь, топорща усы, — я здесь живу. Я здесь хозяйка.

— Т-ты... — Ждана всё ещё заикалась от неожиданности, — ты что делаешь в мешке?

— Ем, — невозмутимо ответила мышь и, будто в доказа-

тельство, откусила зерно с явственным хрустом, зачавкала громко, нисколько не смущаясь. — Чего не видно-то?

Ждана глядела на неё, всё ещё не в силах поверить.

— Как... как звать-то тебя?

— Машка, — ответила мышь с достоинством, будто представлялась не полёвке чета, а самой княгине.

— А меня Ждана. — она помолчала, потом, справившись наконец с растерянностью, спросила по делу: — Слышь, Машка, а можно я возьму немного крупы? Кашу сварить хочу, есть охота — сил нет.

— Нету, — отрезала мышь. — Самой мало.

— Ну как же так, — возмутилась Ждана, — тут крупы на целую зиму хватит, а ты жадничаешь.

— Мой мешок, мои запасы, — важно молвила Машка, но, видно, взгляд у Жданы был такой голодный и такой упрямый одновременно, что мышь дрогнула. — Ну, — проворчала она, — не всё, так не всё. Делиться-то, оно, конечно, надо...

Так, слово за слово, и договорились — по совести, по-соседски: Ждана берёт крупы, сколько на похлёбку требуется, а взамен обещает Машке, что и объедки со стола, и корки, что почерствеют, ей же и достанутся, да ещё присматривать станет, чтобы кот какой бродячий или сова ночная до мышиного угла не добрались.

Мышь, подумав, кивнула — важно, будто скрепляя договор печатью.

И с того самого утра повелось у них — жить, стало быть, в мире.

Глава 8. Седмица покоя

Медведь — то бишь Бьорн, имя это она выведала у Машки на второй день, — спал уже седмицу кряду.

Ждана поначалу пугалась этого сна пуще прежнего: то ей чудилось, что жар его сведёт в могилу, то что он вовсе не проснётся, зачахнет тут, в глухой избе, а она так и останется куковать одна в чужом лесу до скончания веку. Но Машка на все её страхи только фыркала презрительно.

— Да не сдохнет он, — говорила мышь, деловито обгрызая зёрнышко. — Он завсегда так — как из шкуры да в шкуру обернётся через силу, так и спит потом, пока хворь вся не выйдет. Неделью проспит, а бывает — и месяц целый, было дело. Так что не голоси попусту.

— А ты почём знаешь? — недоверчиво шурилась Ждана.

— А я тут не первый год живу, чай, — с достоинством отвечала Машка. — Кой-чего повидала.

Верить мышиным байкам Ждана до конца не решалась — та ещё сказочница оказалась, эта Машка, любила приврать да прихвастнуть, — но всё равно было отраднo, что в этой глуши нашлась хоть одна живая душа, с кем можно перемолвиться словом, пока хозяин избы спит непробудным сном.

А жизнь меж тем шла своим чередом, и жить-то надо было чем-то.

Ждана, отогревшись да отъевшись за первые дни, снова

взяла в руки лук — тот самый, что нашла в дровянике, — и отправилась искать пропитание в окрестном лесу. Повезло сразу: подстрелила зайца, матёрого, жирного, а на другой день — глухаря, что неосторожно расселся на нижней ветке сосны, будто напрашиваясь на стрелу.

Из зайчатины да из глухарятины, да с горсткой машинной крупы, вышла похлёбка наваристая, такая, что и в самом острого не всякий раз едали. Машка, отведав перепавшей ей корочки, аж зажмурилась от удовольствия.

В избе понемногу становилось обжитее. Ждана перетряхнула лавку, расправила шкуры на койке, где спал Бьорн, вымела копившуюся по углам труху, подлатала прохудившийся угол у двери мхом да глиной — авось меньше дуть станет.

А тревога за спящего хозяина избы всё не отпускала — тревога странная, неуместная почти, если вспомнить, что этот самый хозяин ещё седмицу назад гнал за ней через всю реку с явным намерением её сожрать. Но что-то в ней всё равно замирало каждый раз, когда она подходила проверить, не спала ли жара, не участилось ли дыхание.

— Да не переживай ты так, — говорила Машка, наблюдая за её хлопотами с высоты своего мешка. — Живучий он, этот твой медведь. Вон переживёт ещё нас с тобой обеих.

— Не мой он вовсе, — отрезала Ждана, но щёки её при этом отчего-то предательски порозовели.

Машка на это только хмыкнула — вернее, процокала что-то похожее на мышиный смешок — и снова уткнулась носом

в зерно, всем своим видом показывая, что мысли чужие читать умеет не хуже иной ведуньи, да только вслух озвучивать не станет — покамест.

Глава 9. Три тени с дороги

На девятый день, когда солнце клонилось к полудню, а мороз чуть отпустил, позволив снегу заискриться крупными хлопьями, Ждана сидела на крылечке, общипывая тушку глухаря, добытого поутру.

Со стороны лесной дороги, что вилась саженьях в тридцати от избы, вдруг донеслись голоса.

Мужские.

Ждана насторожилась, отложила ошипанную птицу на ступеньку, прислушалась. Голоса приближались, а следом показались и сами их обладатели — три силуэта, бредущие по снегу гуськом, кутаясь в тулупы.

Заметив избу, а следом и девицу на крыльце, все трое свернули с дороги и направились напрямиком к дому.

«Одна ли ты тут живёшь», — мысленно проговаривала она возможные вопросы, лихорадочно соображая, как отвечать. Сказать, что одна, — так, может статься, начнут приставать, мало ли какого рода люди по лесным дорогам бродят. Сказать, что с мужем, — так спросят, где же он, позвать вели, а как позовёшь, когда муж — не муж вовсе, да ещё и спит непробудным сном вот уж девятый день кряду, разбудить не смогла бы, даже если б захотела.

Нужно было выбрать слова точно, как стрелу на охоте.

— Девчина, а сказывали, тут медведь живёт, — молвил

первый, что шёл впереди, самый старший на вид, седой уже, с хитрым прищуром, что Ждане сразу не понравился. — Ты тут одна обитаешь?

— С какой целью интересуетесь? — спросила она в ответ, не отвечая напрямую.

— Да так, дочка, интерес простой, — отозвался старик, но взгляд его при этом остался всё таким же недобрым, цепким, будто он уже прикидывал что-то в уме, взвешивал, соображал.

Ждана присмотрелась к остальным двоим — молодые оба, крепкие, с топорами за поясом, — и чутьё, то самое чутьё, что не подводило её никогда, зашептало тревожно: неладное затевают эти люди.

— Куда путь держите? — спросила она, стараясь, чтобы голос не выдал волнения.

— Да мы так, на охоту ходили, — ответил второй, помоложе, ослабившись щербатой улыбкой.

«Странно охотятся, — подумала Ждана, — коли по проторенным тропам бродят, будто гуляючи, а не зверя выслеживая».

Она напряглась, отступила на полшага ближе к двери, к тому месту у порога, где, как ей помнилось, стоял прислонённый лук.

Мужики между тем начали приближаться, медленно, но неотвратно, будто волки, что смыкают кольцо вокруг подраненной лани.

— Не подходите, — сказала она твёрдо.

— Ты нас, что ли, боишься? — усмехнулся старший.

— Просто предупреждаю, что не стоит вам ко мне подходить, — произнесла она ровно, а сама уже вся сжалась внутренне, труханула не на шутку. Глухаря, которого общипывала, отложила на верхнюю ступеньку, в голове лихорадочно перебирая — куда лук со стрелами убрала, вроде бы как обычно, у самого порога, дотянуться можно, только руку протянуть...

— Медвежьей подстилкой быть не боишься, — процедил старик, и в голосе его прозвучало нечто такое мерзкое, липкое, от чего у Жданы по спине пробежал холод хуже подлёдной воды, — а нас, стало быть, боишься?

Договорить он не успел.

Ждана резко подскочила с крыльца, а мужики, будто дождавшись именно этого сигнала, разом бросились к ней, вытягивая руки, скалясь. Она метнулась к порогу, выдернула лук, в единый вздох наложила стрелу и натянула тетиву так, как отец учил её много лет назад, — до самого уха, до предела.

Глава 10. Стрела

Стрела ушла раньше, чем Ждана успела толком прицелиться, — само тело выстрелило, память рук, тысячу раз повторявшая одно и то же движение на охоте, сработала быстрее разума.

Она не ожидала, что попадёт так точно — прямо в глаз ближайшему из мужиков, тому самому, молодому, со щербатой ухмылкой.

«Это сработали рефлексы, — билось у неё в голове, покуда мир вокруг словно оцепенел на одно долгое мгновение. — Это защита. Он оказался слишком близко, слишком быстро. Я защищалась, только защищалась».

Тетива отпущена, стрела прилетела туда, откуда шла угроза, — вот и весь сказ, вот и вся хитрость.

Но легче от этого не становилось. Она стояла, оцепенев, глядя, как рухнул мужик в снег, как алой лужей начала расползаться под ним кровь, стремительно темнея на белом насте, — и что-то внутри неё, что-то живое, человеческое, отказывалось верить, что это она, её рука, её стрела сотворили такое.

Двое оставшихся взревели — не то от ярости, не то от испуга, — и, потеряв разом всю свою наглую вальяжность, бросились к ней, выхватывая из-за поясов топоры.

Дрожащими руками Ждана попыталась наложить вто-

рую стрелу. Пальцы плохо слушались, тетива выскальзывала, время утекало страшно быстро, а мужики были уже совсем рядом, и она понимала — не успеет, ни за что не успеет натянуть второй раз.

И тут за спиной у неё — из избы — послышался тяжёлый, гулкий рык, от которого содрогнулись, казалось, сами стены дома.

Дверь распахнулась настежь, слетев чуть ли не с петель, и наружу, заполняя собою весь дверной проём, вывалилась огромная бурая туша.

Медведь. Не тот, из старой легенды про берсерка, — а прямо сейчас, наяву, во плоти, во всей своей исполинской, страшной стати.

«Ну вот, — успела подумать Ждана с каким-то отрешённым, почти весёлым ужасом, — сейчас всем нам будет плохо».

Глава 11. Морда в крови

Он разорвал обоих мужиков за считанные мгновения — так скоро, что Ждана даже не успела зажмуриться, а всё было уже кончено: снег вокруг избы стал страшным, красным, а от давешней троицы незваных гостей не осталось никого, кто мог бы уйти да рассказать о случившемся.

Медведь развернулся к ней.

Ждана ждала, что вот сейчас-то её и накроет весь тот страх, что должен был накрыть, — страх перед исполинским зверем, только что растерзавшим троих взрослых мужчин на её глазах. Но страха не было. Вместо него в груди стояла странная, звенящая пустота, а следом — облегчение, глубокое, до дрожи в коленях.

Глаза у зверя были добрые. Она смотрела прямо в них и видела не хищную ярость, а нечто иное — узнавание, забота почти, — и медведь, будто чувствуя её состояние, двинулся к ней медленно, нарочито неспешно, опустив голову низко, почти к самому снегу, чтобы не пугать своей громадой.

Морда его была вся в крови.

И зрелище это, вместо того чтобы ужаснуть её ещё пуще, отчего-то развеселило — верно, от нервного облегчения, от того, что жива осталась, что не одна теперь противостояла тем троим. Ждана невольно фыркнула, борясь со странным, истеричным смешком, что подкатывал к горлу.

Она наклонилась, зачерпнула горсть чистого снега и, подойдя ближе, принялась осторожно оттирать ему шерсть на морде — благо, шкура его, при всей своей звериной сути, слушалась её прикосновений покорно, будто он и сам понимал, что вид у него сейчас неподобающий.

— Ты уж всё-таки спас меня, мишка, — прошептала она, чувствуя, как к глазам подступают слёзы — те самые, что не пролились ни подо льдом, ни под угрозой топоров, а вот теперь, когда всё позади, прорвались разом.

Она обняла его за шею — большую, тёплую, пахнущую кровью и снегом одновременно, — и разрыдалась в голос, уже не сдерживаясь, выпуская наружу весь тот страх, что копился в ней всю эту седмицу, весь тот ужас, что подстерегал её на льду, под водой, здесь, у порога чужой избы.

Силы разом покинули её — резко, будто кто-то выдернул стержень, на котором она держалась всё это время. Она обмякла у медвежьей шеи, и последним, что помнила, было тёплое, ровное дыхание зверя рядом да мягкий снег под коленями.

А потом — сон. Глубокий, спасительный, без сновидений.

Глава 12. Другими глазами

Проснулась Ждана на койке — той самой, медвежьей, устланной шкурами, что до сих пор хранили тепло чужого тела.

Спросонья не сразу поняла, где находится, а вспомнив всё разом — мужиков, стрелу, кровь на снегу, — резко подскочила, обвела взглядом избу. Мужчины не было. Только Машка сидела неподалёку, на краю стола, и глядела на неё внимательно, изучающе.

— Что случилось-то? — хрипло спросила Ждана, потирая лицо.

— Тела он подальше в лес утащил, — деловито отчиталасьмышь. — Схоронил, стало быть, от чужих глаз. Да только ты пойми — теперь просто так они нас с тобой не оставят.

— То есть?

— А то и есть. Поджигать придут, — Машка со значением пошевелила усами. — Причём аккурат ночью, я так смекаю. И в этот раз, боюсь, у них уже и повод весомый найдётся, чтоб уж наверняка — а то всё грозились раньше факелами, да без толку. Один-то ведь упустили из виду.

— Как это — упустили? — насторожилась Ждана. — Был кто-то ещё?

— А то как же, — Машка сокрушённо покачала головой. — Пацанёнок там был, годков тринадцати, за снежным буг-

ром сидел, притаившись, не заметили мы его сгоряча. А он, как всё увидал — и как медведь твой мужиков порвал, и остальное, — так сразу в лес и дал стрекача. Теперь у них, стало быть, доказательство имеется, свидетель живой. Уж теперь-то точно факелы в ход пойдут.

Ждана помрачнела, обдумывая услышанное. Выходит, покоя им теперь не будет — ни ей, ни Бьорну, ни даже Машке в её тёплом мешке с крупой.

В этот миг дверь избы отворилась, впустив внутрь морозный воздух, а следом и его самого — уже не медведя, а мужчину, живого, здорового, будто и не хворал вовсе всю последнюю седмицу.

Ждана глянула на него — и что-то в её взгляде переменялось, сама не заметила как. Прежде виделся он ей громадой, страшной силой, зверем в человеческом обличье. А теперь — вот стоит перед ней, высокий, широкоплечий, с волнистыми до плеч тёмными волосами, ещё влажными от снега, со щетиной на скулах, что так и не доросла до бороды, и глаза у него — карие, тёплые, вовсе не звериные, — и она вдруг увидела его совсем иначе. Красивым увидела. По-настоящему.

— Как себя чувствуешь? — спросил он, подходя ближе, и в голосе его прозвучала неподдельная забота. — Переволаживалась небось?

Ждана почувствовала, как щёки заливают предательский румянец, и поспешно отвела взгляд, сделав вид, что поправляет шкуру на плечах.

— Есть немного, — буркнула она.

А Машка со своего насеста на краю стола так и лыбилась во весь свой мышиный рот — так, будто мысли Жданины прочла все до единой, до самого доньшка.

— Ну и рожи вы обе корчите, — только и сказала Ждана, пряча смущение за напускной строгостью, но легче от этого не стало ни капли.

Глава 13. Пожар в ночи

Машкино пророчество сбылось скорее, чем кто-либо из них ожидал.

Не минуло и одной ночи, как со стороны дороги вновь потянуло дымом — не печным, домашним, а иным, тревожным, смоляным. Бьорн, что дремал чутко, вполуха, вскочил первым, принялся к воздуху, и лицо его разом сделалось каменным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.